

Легенда о Кыыс Хайя

Это было за гранью древних лет,
За хребтом стародавних лет,
Во мгле незапамятных лет...

Из олонхо

Пролог

Это было так давно, что даже древним сказителям старины, чтобы вытащить из глубин памяти и рассказать эту историю, приходилось долго копаться в своих глубоких, как волшебный, неиссякаемый богатством мешок-хаасах, воспоминаниях. Кряхтя и положив ногу на ногу, начинали они вспоминать-бормотать, что было это во времена противостояния темных и светлых сил, которые во всех трех мирах — Верхнем, Срединном и Нижнем — вели борьбу за каждого обладателя Ийэ Кут — Мать-души ураанхай саха, которых с начала времен нарекли людьми Солнца — Кюн Айыы дьоно.

Из той старины дошел до нас этот рассказ, а все остальное — беспочвенные слухи, растворившиеся в темных водах ночных дождей и бесславно исчезнувшие в пучине истории. Тогда эти земли были еще пустынные, и равнины здесь были до того голыми, что степенную от старости, могучую от долголетия лиственницу было видно за девять дней

пешего хода. Посланники небес — стерхи, устав от долгого перелета через унылые земли, роняли маховые перья, и из этих невесомых перьев выростали белоснежные, с черными крапинками, как крылья божественных птиц, стройные березы. На многие версты разрослись они.

И так давно это было, что теперь никто и не знает, что раньше здесь, вместо кудрявых роц, была голая равнина. Не было тогда и реки Баайага — ее прозрачные и спокойные воды еще не проложили через голую равнину свой извилистый путь, превратив его в благословенную зеленую долину. Вот как давно это было!

Песнь первая

Однажды по пустынной равнине, где стояла степенная от старости и могучая от долголетия лиственница, которую было видно за девять дней пешего хода, бежал раненый боотур из рода Баайага. Шел боотур очень долго, и он, участвовавший в неравном бою — один против десяти воинов-тунгусов, — терял остатки сил. Тунгусы, с которыми он вступил в неравную схватку, постоянно воевали по поводу и без повода, лишь бы было с кем воевать. Тунгусы из Племена Льда, как говорили в своих сказаниях старики, были как тучи майской мошкары — назойливые и несметные. От природы выносливые, быстрые и свирепые, они в совершенстве владели искусством боя. Но со своим вспыльчивым характером они никак не могли совладать, и это делало их уязвимыми и ранимыми. Это был их злой рок, ведь только Создателю под силу обуздать воинственный народ.

Бежит ураанхай из рода Баайага, а за ним — воины-тунгусы. Войско на горизонте можно принять за большое стадо диких оленей во время великого сезонного перехода, но, если приглядеться, на каждом олене сидит незаметный воин-тунгус. В руках у каждого наготове маамыкта¹, чтобы поймать раненого боотура. Как туча черной мошкары, летят они на оленях, уверенные в победе.

Боотур из рода Баайага еще издали заметил их, но в глазах его не появилось ни тени страха, ни смятения. Он не меньше вспыльчивой уймы воинов-тунгусов был уверен в себе. За мгновение он охватил зорким взглядом все: расстояние до могучей лиственницы, незаметные впадины местности и низкие серые облака, распластавшиеся над пустынной равниной. В этот миг он успел уловить тихий ход времени, ровное дыхание земли, шуршание камыша; успел заметить, сколько утят в выводке кряквы в небольшом озерце неподалеку, в какую сторону улетел ворон,

---

¹ Аркан (якутск.).

с какой стороны дует ветер и сколько на него надвигается воинов-тунгусов. И он... исчез, растворился в воздухе.

Вот и олени тунгусов уже близко, только арканы мельтешат в воздухе, как будто омут озерный поднялся с самого дна и со свистом буравит воздух. Все пространство превратилось в один большой воздуховорот — пыль белесая, до сих пор лежавшая не потревоженная на поверхности земли, вдруг поднявшись до небес. Небо стало паутиной вековой пыли, в которой запуталось едва видимое с земли солнце. Серую завесу беспрестанно рассекала многоголовая юла из арканов, сопровождаемая медным трезвоном хобо-колокольчиков. Когда беспокойный рой арканов достиг места, где исчез боотур из рода Баайага, послышались удивленные возгласы невидимых доселе воинов-тунгусов. Войско потопталось, а затем унеслось дальше, увлекая за собой вихрящуюся паутину из пыли и стойкий запах взопревших шкур и рыбьего жира, сопровождающий людей, пришедших издалека и привычных к долгим утомительным походам.

Когда, наконец, пыль вновь улеглась на землю, то оказалось, что не все олени унеслись прочь. У одного из них, красивого и могучего, подгнулись передние ноги, и он стоял коленопреклоненный, как человек перед всеильными божествами. У него были большие, бездонные, как небо, глаза, в которых, казалось, застыла прозрачная дымка предрасветной свежести на вечных, белоснежных хребтах Верхоянья. Теперь эти мудрые глаза начало заволакивать тенью обреченности и небытия. Но могучий олень, чуть прикрывая усталые глаза, пытался еще немного продлить ощущение тепла, исходящего от навсегда уходящего солнца. Рядом с ним, тоже на коленях, стоял маленький человечек, с ног до головы одетый в белую сарыы-ровдугу. Человечек смотрел на оленя, пытаясь понять, что происходит с ним. Он не хотел в это верить, но вскоре и ему, совсем юному воину с ясным и открытым взором, стало ясно, что пришла пора прощаться с верным, недавно всемогущим другом.

В руках человечка сверкнул нож. Он сжал его рукоять так сильно, что с пальцев отошла вся кровь, и рука, держащая лезвие у самого лица, стала белее обглоданных хищными зверями останков оленя, высушенного летним зноем и зимними стужами. Человечек внимательно следил за своим умирающим другом, будто ожидая от него последней предсмертной подсказки. Он ждал ничтожно маленького, хоть какого-то знака — слезы незаметной, стоны неслышного, чтобы тут же помочь завершить достойную, полную славой жизнь так же достойно и твердо. Олень и человечек понимали, что это конец, и оба застыли в ожидании присоединения к вечности. Человечек не помнил, сколько это длилось. И когда он вырвался из потока быстро уплывающей бесконечности, где

нет суетных мыслей и напрасных надежд, а есть только ощущение таинства перехода в иной мир, то увидел, что все уже свершилось. Рядом с ним осталось только бездыханное тело оленя, а его душа уже отделилась и была готова к тому, чтобы Бог тунгусов Амычан забрал ее к себе.

Вот и настало время для человечка впервые совершить ритуал проводов своего друга-оленя. Он не раз видел, как это делали его сородичи, и был готов к такому важному событию. Приступая к проводам, человек запел вечную, как этот мир, песню — песнь прощания, которую исполняли еще его деды, прадеды и все предки из Племена Льда. Теперь он должен был отделить голову, а тушу разделить на четыре части и раскидать по сторонам света — это угощение духов было последним предназначением оленя на Срединной земле. Потом человечек возьмет маамыкту-аркан и надежно закрепит петлю на рогах оленя. Останется подвесить голову на самом высоком суку, направив в восточную сторону небес, чтоб ее увидел Бог тунгусов Амычан и впустил бессмертную душу оленя в свою небесную обитель. А когда душа оленя отслужит свое у небесного Создателя, и ему разрешат вернуться в Срединный мир, то он воротится назад по этому маамыкте-аркану, натянутому для бессмертной души верного друга маленьким человечком, одетым с ног до головы в белую сарыы-ровдугу.

Песнь вторая

Когда песня была допета, и в воздухе растаяли последние протяжные звуки грустного мотива, тунгус вдруг почувствовал опасность у себя за спиной. Это была опасность, которая может исходить только от человека. Он медленно повернул голову, и глаза его встретились с глазами того самого боотура из рода Баайага, за которым тунгусы гнались три ночи убывающей луны и три ночи покоя луны.

Тунгус — маленький человечек, похожий на подростка, и боотур из рода Баайага — могучий богатырь, стояли друг против друга. Тунгус сжался в один белый комок и стал похож на маленькую храбрую пичугу, готовую в любой момент кинуться на защиту гнезда от стервятника. Испустив клич воина, похожий на протяжный крик ворона, созывающего собратьев на кровавый пир, он набросился на могучего, как скала, богатыря.

Боотур из рода Баайага мог одним движением могучей руки прихлопнуть маленького человечка, но что-то остановило его. Было во взгляде боотура то ли удивление, то ли недоумение. Тем временем у его лица уже сверкнул клинок, и ему пришлось отмахнуться от тунгуса,

как от назойливой мошки. Маленький человечек отлетел на три сажени, но в воздухе перевернулся, как мутовка вокруг своей оси, и мягко, как перышко, приземлился на ноги. Он было приготовился к новому наскоку на боотура, как вдруг услышал неясный гул, доносящийся с той стороны, куда совсем недавно умчалось войско тунгусов, увлекая за собой вихрящуюся паутину из пыли и стойкий запах взопревших шкур и рыбьего жира. Боотур из рода Баайага тоже посмотрел в ту сторону, куда был направлен взор тунгуса. Оба на какое-то мгновение застыли, потом снова встретились взглядами. В глазах боотура были внутреннее спокойствие и уверенность, как будто он уже заранее знал весь ход будущих событий. Во взгляде тунгуса — в черных раскосых искрящихся глазах — было торжество победителя. Приближающиеся клубы пыли и все нарастающий перезвон хобо-колокольчиков означали, что это возвращаются его сородичи. Возможно, они обнаружили пропажу маленького человечка, но, вернее всего, потеряли след боотура.

Человечек, утратив на время интерес к боотуру, стоял в ожидании стремительно приближающихся сородичей на оленях, несущихся, как свинцовая волна в Великой воде с нетающими льдами, куда тунгусы частенько отправлялись за вкусным жиром глупой нерпы. Когда, опомнившись, он обернулся, то боотура и след простыл. Тунгус, не веря глазам, почему-то посмотрел на небо, будто у врага могли вырасти крылья, чтобы он взмыл прямо в небо. Затем человечек перевел взгляд обратно на землю, и только тогда обратил внимание на маленькое, размером с пять мятых сшитых вместе шкур оленя, озерцо, вокруг которого густо, как рога оленей во время великого перехода, рос камыш. В его зарослях, с трубкой из полой тростинки во рту, сидел боотур. К удивлению и к величайшей досаде тунгуса, он держал в руках нож и маамыкту-аркан обезглавленного оленя. Боотур жестами показывал, что если тунгус проговорится, то он искромсает маамыкту-аркан оленя, и тогда друг тунгуса никогда больше не сможет найти обратную дорогу на Землю.

Человечек сник, сделался еще меньше. Он был готов провалиться сквозь землю от стыда, чтоб не предстать перед грозным и беспощадным судом своего народа. Вот уже его отец, Вождь племени, соскочил на ходу с самого белоснежного на свете оленя и подбежал к нему. Маленький тунгус-человечек, не глядя на отца, указал на павшего оленя. Без лишних слов было понятно, что у него ни с чем не сравнимое горе — гибель самого близкого друга, оленя, без которого тунгусу в необъятной тундре не выжить. Опущенная вниз голова и отведенные в сторону глаза ни у кого подозрения не вызвали, тунгусы как сидели на оленях, так и остались сидеть, ожидая дальнейших указаний.

Олени беспокойно фыркали, их рога, стучаясь друг с другом, издавали мягкий, тут же поглощаемый землей звук. Этому звуку вторили позвякивания маленьких хобо-колокольчиков на красиво украшенных ошейниках оленей. Вся эта какофония, создаваемая тунгусским войском, заглушила тихий разговор отца с маленьким человечком. Но зоркие глаза воинов-тунгусов внимательно следили за каждым движением губ, бровей и глаз беседовавших. Они без звука понимали, о чем говорили эти двое: отец спрашивал, справится ли сын один, ведь обряд проводов в другой мир надо закончить, на что человечек отвечал, что не надо беспокоиться, он еще побудет со своим оленем наедине. Отец спросил, где маамыкта-аркан, на что человечек, еще ниже опустив голову, отвечал, что потерял его. Отец дольше обычного постоял в раздумье, не отрывая взгляда от отпрыска, но затем, как будто вспомнив, что и он в молодости терял маамыкту-аркан, протянул сыну свой. Сейчас без маамыкты-аркана никак нельзя! Его надо обязательно завязать на рога оленя, отправляя в последний путь, иначе на том свете предки рассердятся, проклянут весь род, отправивший к ним оленя без маамыкта. Это величайший грех! Олени уйдут в небо и, потеряв без маамыкты-аркана обратную дорогу на Землю, больше не возвратятся, и тогда закончится род тунгусов.

Человечек медленно взял маамыкту-аркан из рук отца и, еле шевеля губами, неслышно сказал, что его оставили одного; он позже догонит своих. Отец ответил, что через один переход оленьего шага, после ночного бдения молодой луны, с приходом солнца, он отправит навстречу сыну людей. Затем вождь сделал знак, и один из воинов отвязал оленя, привязанного к седлу, и подвел к человечку. Отец, возглавлявший войско, легко вскочил на своего самого белоснежного в мире оленя и издал протяжное долгое «ю-ю-ю!» Боевой сигнал, перекрыв все остальные шумы, дошел до хвоста войска, и огромное стадо, состоящее из оленей и людей, ускакало, утопая в пыли.

Когда все затихло, боотур из рода Баайага вышел из камышей. Он подошел к сидящему на земле человечку и с удивлением увидел, что тот, размазывая по лицу слезы с грязью, плачет как ребенок. Боотур постоял в нерешительности, затем сорвал белую шапчонку из сары-ровдуги с головы человечка. Тот даже не обернулся: видать, у него уже сил больше не было сопротивляться. Под шапкой оказалась длинная девичья коса, удерживаемая полосками кожи с узором из бисера. Освободившись от тесной шапки, тяжелая коса упала на девичью спину, вздрагивающую от рыданий, вызванных целой чередой неудач за один день. Девчужка плакала от безысходности создавшейся ситуации, от стыда за малодушие и за обман родного отца. В душе ее было такое одиночество,

как будто смерть забрала не только оленя, но и что-то самое сокровенное и дорогое.

Большой могучий богатырь из рода Баайага растерялся и, не зная, что делать дальше, какое-то время молча постоял рядом с рыдающей девчушкой. Боотур, сразивший несчетное количество воинов в бою и не питавший к ним никакого сострадания, вдруг почувствовал, как внутри него зарождается жалость. И он расствирепел от того, что это неведомое чувство зародилось, и начало проникать во все уголки души, делая его слабым и уязвимым. Злясь на себя за мимолетную слабость, боотур резко взял девчушку за толстую косу и, обмотав ее вокруг своей широкой, как весло, ладони, поволок к мертвому оленю. Бросив поверженного врага на труп оленя, он сунул ей в руки маамыкту-аркан: мол, заверши начатое дело.

Девчушка, ничуть не возмутилась, восприняла этот грубый жест как должное и, как утопающий хватается за соломинку, судорожно вцепилась в брошенный маамыкта-аркан. Все еще всхлипывая, она начала завязывать маамыкта-аркан на рога оленя. Затем взялась было за разделку туши, но тут силы ее окончательно покинули, будто ушли вместе со слезами и тревогами злосчастливого дня. Бессильно опустив руки, она начала шмыгать носом, готовая вновь разрыдаться. На этот раз боотур не растерялся. Своими огромными ручищами, привыкшими держать только боевое оружие, он смахнул тунгуску с оленя, как какую-то докучливую муху. Не издав ни единого звука, она отлетела в сторонку и, упав на землю, осталась лежать без движения. Боотур из рода Баайага, ловко орудуя большим ножом, в мгновение ока справился с разделкой оленя так, как будто каждый день только и делал, что четвертовал туши сотен и тысяч оленей.

Закинув на могучие плечи все четвертинки и голову оленя, боотур подошел к тунгуске и слегка пнул ее носком торбазов. Та даже не шелохнулась. Боотур повернулся и, прихрамывая на раненую ногу, пошел в сторону степенной от старости и могучей от долголетия лиственницы, одиноко виднеющейся вдаль на востоке. Вскоре он скрылся из виду. Уучах — олень для верховой езды, оставленный отцом девушки, тихо позвякивая хобо-колокольчиком, постоял, но потом, мало-помалу свыкнувшись с предоставленной свободой, стал отдаляться, пощипывая жухлую траву.

Сиротливо лежащая на огромном поле девушка в белой сарыы-ровдуге издали казалась павшим от мора оленем, от которого осталась лишь груда вылинявшей от времени, облезшей под осенним дождем шкуры. Ветер, вольготно гулявший по широкой равнине, нашел девчушку и начал бесцеремонно теревить растрепанные волосы. С высо-

ты поднебесья ее заметила хищная птица и круто спикировала вниз. С клекотом давно ничего не глотавшего горла она опустилась прямо на лежащую девчушку, но, подлетевши к ней и чуть коснувшись когтями тонких лопаток, вдруг резко взмыла вверх. Видать, Айыысыт, невидимая Ангел-Хранитель людей Срединного мира, отогнала хищную птицу: не для такой участи была рождена эта девушка-тунгуска.

Чаша невидимых небесных весов переполнилась закатным солнцем и пошла вниз к горизонту, а другая чаша, где красовалась пустая молодая луна, вознеслась над головой. При ее слабом свете вдали показался человек. Прихрамывая на одну ногу, но уже без ноши, он быстро подошел к лежащей ничком девчушке. Сидя на корточках, он приложил пальцы к нежной шее и почувствовал пульсирующую жизнь, ощутил, как бьется кровь в жилах. Девушка спала. Боотур осторожно поднял ее, положил на свое широкое плечо и исчез так же бесшумно, как и появился.

Песнь третья

Если Юрюнг Аар Тойон, Великий Белый господин, Творец всей Вселенной, задумал что-то доброе и вечное, так тому и бывать. В такие благословенные минуты богини Айыысыт и Иэйиэхсит, обитающие на нижнем восточном небе в обители полуденных лучей, где воздух ласково голубой, претворяют задуманное Творцом. Как поется в тойуке великого олонхосута — сказителя старины:

Из рук Айыы вьется аркан —
для птенчиков вьется гнездо,
из сердца Айыы искра летит —
жизни очаг возгорится,
чтоб блага земные было кому сохранить!
О, прекрасная дева,
судьба твоя благословенна —
передать потомкам
благословение богов.
Не минует счастье твое и тебя —
человек-богатырь...

Еще в той древности, когда род человеческий бился с темными силами, женщины понимали, что они рождены для мужчин, а мужчины знали, что сотворены, чтобы множить ураанхайцев. Он, боотур из рода Баайага, тоже родился, чтобы множить род ураанхайцев, и потому беспрекословно следовал зову сердца, а она, дочь вечно кочующих воинов

из Племени Льда, безропотно приняла судьбу. Она знала, что ей пути назад уже нет — не примут ее сородичи. Сородичи же отвергнут и ее отца, если он вздумает принять после случившегося дочь. Суров был закон: дал победить себя — умри достойно. Но она не была воином, она была рождена женщиной, и женским чутьем понимала, что отныне ее удел — подчиняться воле мужчины, поскольку уже не принадлежала больше своему клану.

В права вступили замыслы божественных сил, но Боотур из рода Баайага и дочь вечно кочующих воинов из Племени Льда точно знали: воинственные тунгусы, мстительные и жестокие, не оставят их в покое, племя будет искать, пока не найдет и не покарает их. Вот им и приходилось укрываться время от времени от несметного тунгусского войска. В минуты опасности зоркий взгляд мужчины выхватывал из безнадежно однообразной долины место для схрона — незаметную впадинку-ложбинку, где они зарывались в землю и, лежа в укрытии, слушали, как проносится над ними войско тунгусов на оленях. Слышали они и дыхание друг друга, стук горячего сердца рядом. Не задавали друг другу бессмысленных вопросов, поскольку не знали языка друг друга. Но зачем им пустые слова, когда есть язык тела — язык всего живого на земле, который не может обмануть никого и никогда...

В одно утро, когда земля еще пыталась согреться первыми лучами восходящего солнца, над долиной возник неясный гул. словно где-то вдаль начал бесноваться табык — огромный бубен, сделанный из шкур девяти быков порозов. Земля затряслась от гулко-го и пробирающего до дрожи звука, который становился все ближе и ближе. От тревожно-го звука все замерло, даже трава приникла к земле, а могучее дерево, стоящее посередине необъятной долины, зашумело-зашаталось. Заскрипела его крона, подпирающая в вышине серые облака, дождем полетели на землю хвоя и шишки.

На следующий день еще ближе стал неясный тревожный гул. Все трясется от приближающейся неведомой силы: и небо, где в мрачных тучах спряталось солнце, и земля, и подземелье. Наконец, южная сторона унылой долины вздыбилась пепельно-серыми волнами, которые неумолимо двигались на них.

Тут девушка все поняла, и от того вскинула руки к небу и начала танец радости: через долину, по которой они брели, проходил Великий Олений Путь! Олени, сметая все на своем пути, стремительно, словно на крыльях, неслись на Север — к Великой воде с нетающими льдами, где нет докучливого гнуса и где появятся на свет их маленькие олениата. Так было год назад, так было век назад, так было всегда. Горе тому, кто оказался на пути оленей, охваченных великим зовом крови — все сме-

тут на своем пути! Девушка из Племени Льда и боотур из рода Баайага побежали к могучей лиственнице, которая одна могла дать им укрытие от этой животной стихии, но на полпути к спасительному дереву поняли, что им туда не добежать. Все ближе гигантское стадо, бегущее по зову крови по Великому Оленному Пути!

Боотур из рода Баайага и девушка из Племени Льда — две песчинки среди этой вселенской стихии, поняв тщетность любых усилий, встали плечом к плечу в ожидании, когда их накроет неукротимая пепельно-серая волна оленьих тел. Сердца их стучат в едином ритме: стали они одним большим сердцем. Кровь мужчины перетекает в женщину, а кровь женщины соединяется с кровью мужчины — стали они единым целым. Руки, сжимающие ножи, инстинктивно вытянуты вперед.

Что может устоять перед напором надвигающейся на них всеразрушающей слепой силы? Но они стояли, взывая каждый мысленно к своим всемогущим богам, как это делали их отцы и деды, как это делали предки во все времена. Гигантская пепельно-серая волна все ближе и ближе, земля не просто дрожит — ходит ходуном!

Вдруг из надвигающейся животной стихии прямо на них вылетел самец с крупными, как корни старой лиственницы, могучими ветвистыми рогами. Сразу было видно, что этот олень-богатырь и есть Вожак, ведущий свое стадо по Великому Оленному Пути. Ничто доселе взору Вожака не мешало — видна была только даль, где Великая вода с натающими льдами. Ничто не мешало его ноздрям втягивать свежий воздух — вся пыль многотысячного стада клубилась позади него. Ничто не мешало — он летел как воздух! Вожак резко вырвался вперед, освободив взор от мельтешащих по бокам, как лес, рогов соперников. И вдруг перед ним, как будто из-под земли, вырос человек. А сзади ему в затылок, готовые растоптать, если отступится, дышат тысячи самцов, желающие стать Вожаками, чтобы возглавить стадо на Великом Оленном Пути. Они готовы сместить Вожака в любую минуту, и потому он не имеет права отступиться — он так долго шел к этому! Отступиться — значит обречь себя на верную гибель. Вот и дыхание его мощное, глубокое, хрипящее слышно Боотуру из рода Баайага и девушке из Племени Льда, вот и видны кровью налитые глаза. Вырвавшись вперед, Вожак поймал взгляд боотура и успел понять, что человек встал на его пути, как скала. Человек был готов принять смерть, но не свернуть, так тверда была его решимость, и даже мысли источали запах смерти. Вожак одним резким прыжком ушел в сторону, обходя боотура из рода Баайага и девушку из Племени Льда, которую он разглядел уже во время прыжка-полета.

За ним тут же образовалась волна смятения; бегущие за Вожаком олени успели в последний миг отпрыгнуть в сторону, и только один самец замешкался и споткнулся. Но этого было достаточно, чтобы следовавшие за ними олени на стремительном бегу подмяли его под себя, создавая в стройном потоке хаоса такой невиданной силы беспорядок, что разрушенный ритм вмиг обернулся массой тел, сплетенных в судороге смерти. Олени, под напором следовавших за ними сородичей, один за другим наскакивали на эту груды тел, все еще продолжающую бить копытами в воздухе. Наконец, стадо, обтекая затоптанных и умирающих собратьев, продолжило свой бег.

Гора из тел оленей спасла жизнь мужчины и женщины, преградив собою мощную, как стихия Великой воды с натающими льдами, волну жизни и смерти. Они стояли, все еще обуреваемые воинственным духом, еще не понимая, что дыхание смерти пронеслось мимо, и им дарована Жизнь. Когда воинственный дух ушел в глубины сознания боотура, он, гордо вскинув голову в сторону Дома Солнца, что находится на Востоке, издал громкий клич победы: «Уруй! Уруй! Уруй!». Затем, встав на колени перед телами оленей, со склоненной головою воздал должное духам вольных детей тундры. Через их светлые души он передал Всевышним Силам свою благодарность и любовь за спасенные жизни — жизнь свою и жизнь девушки из Племена Льда. Девушка, следуя традициям предков, села со скрещенными ногами и с лицом, обращенным на Север, где находится Сила Духа, и, закрыв глаза и раскачиваясь гибким телом, запела недопетую песню Оленихи:

Я спешила к тебе, о, Олень мой могучий!
Я изо всех рвалась к тебе, Олень мой крылатый!
Но меня попросил Амычан задержаться на миг,
А этот миг, поверь мне, милый,
В одну жизнь всего длиною.
Он попросил мой дух назад возвратиться,
Говоря, что моя жизнь ценна,
Она Счастью нужна —
Светлым духом моим обернется и
Моей светлой жизнью окрепнет, сказал,
Жизнь на земле.
Исполнив волю богов — свой долг,
Я вернусь к тебе, мой Олень.
Мы опять, как и прежде,
Будем по бескрайней тундре гулять.
Мы снова, как и прежде,
Будем ходить по пятам своих оленят.

Три дня и три ночи беспрестанным потоком текла живая река Великого Оленного Пути, чтобы воссоединиться с бескрайними просторами Великой воды с натающими льдами. И когда последняя важенька, молодая оленька, скрылась из глаз, на небе растаяли и звуки табыка. Один увечный олень, хромая, пытался догнать стадо, но было понятно, что пришел конец его Пути. И когда к нему подошел мужчина, чтобы избавить от долгой мучительной смерти, он остался стоять, принимая смерть, как дар Бога судьбы тунгусов Амычана. Мужчина молча положил одну руку на его холку, а другой незаметным движением перерезал сонную артерию. Олень тихо опустился на землю.

Песнь четвертая

Стадо, идущее в своем вечном походе к бескрайним просторам Великой воды с натающими льдами, скрылось из глаз. Наступила оглушительная тишина, которую теперь не осмеливался нарушить даже ветер, вольготно гуляющий по пустынной долине. Не томилась здесь свечка церковная, тут лед натающий обжигает сердца, пламя которого — танцующее сияние на небосводе. Не ходили тут странники, не служились молебны. Зима здесь вечный Странник, посохом ледяным очищающий от пороков людских. Среди этого белого безмолвия человеку дано быть лишь частью Вселенной, замыслом Божьим.

Боотур из рода Баайага и девушка из Племена Льда остались одни под пронизывающим холодным ветром. Они медленно побрели в сторону степенной от старости и могучей от долголетия одинокой лиственницы, но, к своему удивлению, увидели, что ее больше нет. Там, где совсем недавно была могучая лиственница, которая, казалось, стояла здесь, как Священное дерево Аал Кудук Мас со дня сотворения Срединного мира, торчали лишь могучие корни рухнувшего исполина. Подойдя поближе, Боотур из рода Баайага и девушка из Племена Льда услышали тихий шелест распланных по земле ветвей. Они расслышали в этом песню могучего дерева. Земля вокруг него на многие сажени была сплошь устлана бахромчатым ковром из созревших шишек, семена которых ветер разнесет по всей равнине, превратив ее со временем в цветущую долину. Мощные корни, оголенные из-под земли, казались одним большим щитом ушедшего богатыря. Под щитом земля глубока, как берлога, так глубока, что кажется: загляни туда — и ты увидишь горнило кузнеца Кудай Бахсы, поселенного Юрюнг Аар Тойоном на границе Нижнего и Срединного миров.

Боотуру из рода Баайага и девушке из Племена Льда еще только предстояло раскрыть тайну, которая скрывала одинокая лиственница

под корнями, в берлоге, похожей на уходящую под землю пещеру. Когда они укрылись в берлоге, найдя защиту от ледяных капель дождя и холодных ночей, то впервые почувствовали себя в безопасности. Они были рады тому, что живы, и воспринимали это как дар Богов, — иначе как объяснить, что неминуемая смерть ушла стороной, а они, освежив туши оленей, надолго обеспечили себя едой и теплой одеждой? Это разве не чудо? Отогревшись возле жаркого костра, наевшись вдоволь вкусного и жирного оленьего мяса, они почувствовали, как на них навалилась накопившаяся усталость. И глаза сомкнулись, и тела переплелись, и время остановилось.

Пока они спали, чувствуя рядом тихое дыхание ставшего дорогим человека, луна успела трижды родиться и трижды умереть...

Однажды, когда чаша невидимых небесных весов вновь наполнилась солнцем нового дня, его лучи сквозь щелочку узловатых корней заглянули к молодым, словно возвещая, что пришла пора пробуждаться. Пробуждение было радостным и спокойным. Вокруг стояла тишина, но это было не пугающее безмолвие, а мирная тишина, в которой был слышен неумолимый треск прозрачных чешуек под напором нежных ростков могучей лиственницы, набирающих силы под слоем земли. Вот такая стояла тишина! Мужчина и женщина чувствовали себя заново родившимися. Они смутно догадывались, что Создатель сохранил им жизнь для какого-то важного деяния. Мужчина, обустроив ложе в берлоге, вдруг почувствовал, что его нож наткнулся в земле на что-то твердое. Но это был не камень — это было железо! Эту тайну хранила под своими корнями степенная от старости и могучая от долголетия одинокая лиственница, чья вершина уходила за облака. Он возликовал так, как не торжествовал над поверженным врагом! Радость мужчины можно было понять: сын славного кузнеца из рода Баайага знал предназначение железа, знал, как высока цена в Среднем мире того, что он держал сейчас в руках. И если девушка из Племена Льда была рождена женщиной, а не воином, то и боотур из рода Баайага не был рожден воином. Да, он был силен и отважен и мог сражаться на поле брани, как десять боотуров вместе взятых, но истинным его предназначением было кузнечное дело, поскольку у ураанхай саха это издревле считалось потомственным ремеслом, секреты которого передавались из поколения в поколение. Кузнецами были его отец и дед, с железом были связаны прадед и весь род по мужской линии — все они были из славной плеяды тех, кого седые сказители древности ставили выше шаманов. Про таких говорили, что их гнездо на священном дереве находится на ветку выше, чем гнездо шаманов.

Бережно вытаскивая найденный кусок железа из земли, боотур из рода Баайага вспомнил отца. «Умеющий обращаться с железом, как Ку-

дай Бахсы, имеет связь с Верховным Творцом, — говорил отец. — Кузнецы соединяют Нижний, Срединный и Верхний миры. Человек, сумевший слышать тайный внутренний голос железа, сродни Богам».

Также отец поведал боотуру, что однажды Юрюнг Аар Тойон надумал населить Срединный мир людьми Солнца — Кюн Айыы дьоно, как прозвали ураанхай саха. Ведал Создатель, что скоро родится у него каменный сын, которого он наречет Ньургун Боотуром и отправит в Срединный мир, дабы род людской пошел от него. Поручил Создатель хозяину Большого Огня, кузнецу Кудай Бахсы, выковать каменному сыну сюр — дух крепче железного щита. Также он велел дать сыну силу Огня, дабы каменное сердце расплавилось и стало биться, чтобы воссоединиться с Айыы Кут — с духом самого Создателя. Кудай Бахсы отвечал: «Сам я не найду дорогу в Срединный мир, ведь я почти ослеп от яркого огня горнила, я почти оглох от шума наковальни, пусть он сам, обретая смелость и храбрость, доберется до меня. Я раскрою ему все таинство огня — и сердце его станет сильнее, чем камень, и дух Создателя вселивается в него. Я буду ждать его».

И однажды этот священный час настал. Ньургун Боотур спустился в Нижний мир к Кудай Бахсы. Выковав огнем свое сердце и приобретя дух Создателя, возродил он род Ураанхай. С тех пор сыны ураанхай саха научились ковать железо, укрощая огонь в горниле, который им дал сам Кудай Бахсы. Обладание наследием трех миров — огня из Нижнего мира, железа из Срединного и бессмертного Духа, божественного начала, дара небожителей, — делало человека совершенным. Говорят, кованные искусными кузнецами вещи приобретали душу и, выйдя из-под рук Мастера, начинали жить своей жизнью. Юрюнг Аар Тойон, видя, как распорядились его даром, радовался и покровительствовал всем кузнецам.

Так рассказывал отец боотура из рода Баайага, и воспоминания жили в сердце мужчины, ставшего на время воином, но не забывшего, что он из рода кузнецов, чье гнездо на священном дереве находится на ветку выше, чем гнездо шаманов. Глядя на девушку из Племена Льда, жили в его душе и другие чувства. Сколько женщин и мужчин из стана враждующих народов встретились по воле Создателя, чтобы познать Великую Любовь?

Любовь как солнце — взойдет и не оставит темных углов,
Любовь как воздух — вдохнув лишь раз, живешь только им,
Любовь как вода — и чиста, глубока, жажду всегда утолит,
Любовь как свобода — лишь коснется она,
Все страхи и горе уйдут, и все преграды ты сможешь пройти.

Из такого союза, проходя испытания войнами, мором, временем, рождались и множились ветви славных родов, которые бережно донесли до наших времен мудрость предков — любовь и истину Юрюнг Аар Тойон. Как мужчины умеют безошибочно угадывать из множества женщин свою избранницу, так и Боотур из рода Баайага уже знал, что тунгусская девушка из Племена Льда была предназначена только ему. Он увидел в ней женщину, избранную небожителями стать его женой и матерью его детей. А женщина не могла не подчиниться воле Айыы. Любить мужчину, принять его, родить от него детей — это и есть то, ради чего женщина приходит на эту Землю. Девушка из Племена Льда — дочь великого вождя, плоть от плоти, кровь от крови своего отца, воспитанная мудрой бабушкой, самой сильной удаганкой тунгусов, не стала спорить со своей судьбой. Они нашли друг друга, и их союз был гармоничен — без условностей, без суеты, без оглядки на прошлое и без страха за будущее. Во всей Вселенной были только они — Мужчина и Женщина...

С той самой ночи все изменилось на этой земле. Если раньше здесь птиц неслышно было, то теперь морозную утреннюю тишину будил протяжный крик хищных птиц, усмотревших с вышины очередную добычу. Если раньше по равнине ветер только заблудший гулял, пройдясь по колкой, жиденькой травке, то теперь по долине рыскала стая волков, следовавшая за стадом оленей. На ранее иссушенных сухим холодным воздухом просторах долины теперь кипела жизнь. И никого не пугал запах дыма, тянувшийся непрерывной сизой струйкой вверх из-под земли, укрытого толстым белым покрывалом снега. Здесь, под корнями некогда исполинской лиственницы, в холомо-землянке, жизнь стала средоточием всей Вселенной. Здесь было тепло от горнила, который, как и его предки, разжег мужчина, чтобы, забыв о своей славе богатыря, ковать железо. Он полностью отдался делу предков, и из-под его молота выходили не только богатырские доспехи, наконечники для стрел и другие воинские снаряжения, но и милые сердцу женщины сережки, искренне радовавшие девушку из Племена Льда изяществом и красотой. Она, сидя в своем углу, занималась делом всех будущих матерей — шила из шкур оленя покрывало-кокон для своего первенца. Шьет и тихо поет о чем-то на языке предков, и улыбка не сходит с ее лица — она вспомнила слова песни, которую ей в детстве напевала мать. Лицо матери стерлось в памяти, она помнила только ее голос, и вдруг откуда-то из небытия появились слова колыбельной песни. Вот она и улыбается. Сердце ее заходит в неимоверной нежности, она вся в ожидании чуда, которое шевелится внутри нее. Она знает, что ее голос слышит их будущий ребенок, он слышит голос матери и стучит кулачками, общаясь с ней.

Мужчина, глядя на свою женщину, радуется, он ощущает происходящие в ней волнительные перемены. Он знает, что они больше не будут убегать и прятаться под землей, как земляные черви. Не может это продолжаться вечно. Если надо, он готов ответить за то, что украл женщину, принадлежавшую другому роду. Он готов ответить, но хмурит брови от мысли, что у него не только могут отобрать женщину, которую он уже считает своей, но и убьют ее, поскольку, по законам рода, ей обратной дороги нет. Это закон войны, поэтому он не имеет права умирать. Он должен жить.

Песнь пятая

Тунгусов без оленя не бывает — где олень, там и тунгус. Свободолюбивый тунгусский народ, как ни один другой, приспособлен к жизни в самых суровых условиях бескрайней Мать-тундры, которая является родным домом для неприхотливых оленей. Тунгусы не боятся самой сильной пурги и даже студеного дыхания Великой воды с नेताющими льдами. Тундра, по которой они кочуют из века в век, — самое безопасное для них место на Срединной земле со дня его сотворения.

Однажды ранним морозным утром, когда солнце едва выглянуло из-за увалов с пологими склонами, чтобы покинуть до весны бескрайнюю обитель снегов, посередине тундры, откуда ни возьмись, возникло многоголосое стойбище. Всюду сновали люди. Олени, почуяв, что им предстоит долгий зимний отдых, стояли, терпеливо ожидая, когда их отпустят на свободу. Это было войско тунгусов. После долгих и бессмысленных поисков дочери вождя было решено дожидаться весны, чтобы с приходом в тундру солнца вновь возобновить поиски. Все нуждались в отдыхе — и воины, и олени. Вместо старых, раненых в боях и ставших медлительными оленей, нужно молодое поколение — резвое и сильное.

С тех пор, как пропала единственная дочь, Вождь сник. Потухли искры черных глаз, он осунулся лицом, и уже редко появлялся перед соплеменниками, как будто избегал их. Было видно, что не увенчавшиеся успехом поиски тяжким камнем легли на его душу. Дочь словно улетела в небо, нашли только шапчонку у маленького, размером с пять мятых, сшитых вместе шкур оленя, озерца. Олень дочери мирно пасся, пощипывая жухлую траву. Олень наверняка знал, что произошло с девушкой, но никто из людей еще не научился говорить на его языке.

Больше других исчезновение дочери Вождя задело Черного шамана, который увидел в этом личное оскорбление, поскольку намеревал-

ся взять ее в жены. Он давно намекал о своем желании отцу девушки. Вождь любил дочь и не хотел отдавать ее бесноватому старику, но не осмеливался перечить всемогущему шаману. Ведь это с его помощью они до сих пор одерживали победу за победой, это с помощью его бесов войско тунгусов расширяло свою власть в бескрайней тундре. Казалось, судьба дочери была уже предрешена, но вмешались какие-то всемогущие духи, над которыми Вождь не был властен. Сердце отца чуяло: дочь жива. Но он каждый раз при встрече с Черным шаманом повторял, что она, наверное, утопилась с горя в озерце.

Сохраняла спокойствие лишь старая Удаганка — мать вождя и бабушка девушки. Она невозмутимо продолжала заниматься повседневными делами, словно и не потерялась любимая внучка; вела себя так, будто знала что-то, неизвестное другим. Тем не менее, она старалась не попадаться на глаза Черному шаману, делала вид, что не замечает его происков, дабы не навлечь на родных проклятья. Да и стара уже стала Удаганка, чтобы понапрасну разбрасываться своей сокровенной силой, снисходящей свыше. Черный шаман догадывался об этом и злился еще больше.

Однажды ночью к Вождю явился разъяренный Черный шаман. Незванный гость сорвал оленью шкуру, прикрывавшую вход в тордох — урасу из ровдуги, и, грозно сверкнув острыми зрачками, прошипел:

— Бойся же, Вожак племени, если ты вздумал сделать меня посмешищем! Мои бесы-ищейки явились во сне. Говорят, что дочь твоя сошлась с чужаком-боотуром из ненавистного нам рода ураанхай, за которым гонялись твои бестолковые воины. Знай — я сам найду их и с лица земли сотру! Все сделаю, чтобы не улетели их души в небеса! Даже ты, Вождь племени, не помешаешь мне!

При этих словах Черного шамана чуть тлеющий огонь в очаге неожиданно взметнулся вверх с такой силой, будто кто-то невидимый подул на него. Незванный гость от неожиданности попятился к двери и, прикрывая грязными руками лицо, упал на спину, а пламя неистово закружилось в воздухе над шаманом, исполняя замысловатый ритуальный танец. Чудилось, что это камлает сам дух Огня. Злобный шаман, завывая и поскуливая от страха, выполз на четвереньках из тордеха и убежал в темноту.

Старая Удаганка, доселе тихо лежавшая в своем уголке, протянула спокойным голосом откуда-то из-под шкур:

— Ну-ну! Уймись! Умерь свой пыл, жар! Чу! Чу!

Огонь, потянувшийся за дуновением вольного ветра к выходу, тут же уменьшился и потух. В тордохе снова стало темно, лишь угли тлеи в очаге, мерцали, как недремлющие глаза таинственного зверя. «Силь-

на, сильна еще старуха!», — подумал Вождь грозного войска и утробно крякнул, выражая свое довольство. И тут же, впервые за последние дни, полные тревог, уснул, как младенец.

В это время небосвод над вечной Матерью-тундрой окрасился причудливым сиянием, а белое пространство земли накрыла чуткая всепроникающая тишина, всегда наступавшая перед Великой бурей.

Взбешенный Черный шаман, придя в свой тордох, начал бесноваться, камлать, призывая поскорее прийти весну; тогда-то, по весне, он и пустится в поиски беглецов.

Зима прошла, а солнце где-то застряло, и сумерки над тундрой стоят который месяц. Лихорадочно горящие глаза Черного шамана рыщут по небу в поисках хоть малейшего намека на скорое появление солнца, но даже его самые могучие бесы не в силах поторопить приход солнца. Черный шаман никак не уgomонится. Восстал он против законов природы, стал еще неистовее камлать, изгоняя с неба северное сияние. Черная злоба гложет изнутри, его помыслы только о мести: найти беглецов и уничтожить, стереть с лица земли! Если ему не досталась дочь Вождя, пусть же никому не достанется!

Так он, забыв о сне и покое, все взывал и взывал к себе темные силы, выходил только по ночам, и ходил в неверном свете луны вокруг тордхов соплеменников, вынюхивая что-то. Тунгусы шепотом переговаривались, что добром это не кончится.

Олени, сытые и отдохнувшие за долгую зиму, почуяв весеннюю негу, стали бороться могучими рогами друг с другом перед важенками. А те, деланно равнодушные к боям самцов, сбившись в кучу, пощипывали остатки нежного ягеля, нагуливая жирное молоко для будущего потомства. Пора вожделения, пора потомства...

Вместо долгожданного солнца вдруг взбеленилась Великая вода с нетающими льдами. Изрыгнула она из своих необъятных просторов студеную бурю такой невиданной силы, что вся тундра утонула в черной мгле. Могучие самцы оленей воткнули рога в снег, чтобы не быть унесенными в воронку смерти, а самки, которые вот-вот должны разродиться, как подкошенные упали на вмиг оледеневшую землю, и в темноту небытия улетели тельца нерожденных оленят. Неокрепший молодой несл по ветру, бросало об ледяной наст, и уже безжизненными телами сдувало в пустоту. Величие все сметающего на своем пути гнева Матери-тундры несравнимо было с кознями темных сил Черного шамана. Тунгусам в завывании ветра слышалось: «Не хотите моей благосклонности? Разжирели, обнаглели, законы жизни вздумали переделать? Пусть тогда сгинет весь ваш род, спутавшийся с бесами! Я сотру вас с лица Земли».

Перепуганные тунгусы попрятались по тордохам. В своей урасе перед горящим очагом сидит старая Удаганка. Глаза закрыты, но она знает и видит, что происходит за стенами ее хрупкого жилища. Видит она и унесенные в темноту небытия тельца еще не рожденных оленят, брошенный на ледяной наст безжизненный олений молодец. Гневается Мать-тундра, забирает своих детей-олений у тунгусов, чтобы они не множили через них беды и грехи на Срединной земле. Вслушивается Удаганка всем сердцем в гневную бурную речь Матери-тундры, пытаясь уловить хоть капельку сострадания, поскольку уже приняла самое главное в жизни решение. Нелегкое ей предстоит испытание: подняться в Верхний мир, чтобы самые верхние силы помогли умиловить и утихомирить гнев Матери-тундры. Она знает, сколь опасен ее замысел, мало кто возвращался в здравом уме с подобного путешествия. Даже самые великие души шаманов по пути возвращения растворялись в вечности, исчезали в небытии, так и не найдя пути назад в Срединный мир.

Мелкая дрожь пробежала по немощному высохшему от старости телу Удаганки. Покинув Срединный мир и блуждая по неземным путям, она нашла маленький просвет в пространстве тьмы. Напряжение души Удаганки, ухватившейся за натянутую, как струна, еле-еле видимую лучину света, передалось земному телу, и оно начало вибрировать. Постепенно мелкая дрожь превратилась в неуловимый человеческому уху звук, соединившийся с льющимся непрерывным потоком света изнутри Удаганки. И звук, и свет улетели было ввысь, как в этот миг в тордох через дымоход ворвался вихрь, пытаясь затмить их поток...

Но и Дух Огня не дремал! Он затрепетал, зашипел и, взметнувшись гремучей змеей, набросился на снежный вихрь. Достал длинным языком, слизнул и проглотил студеной хвост вихря, вылетающего обратно в дымоход, испуская дым и чад.

А Удаганка сидела, как каменное изваяние — веко не моргнуло, волос не шелохнулся; ее душа вышла из бренного тела и находилась сейчас перед Всевышним Судом.

Прошло неведомо сколько времени. Тишина. Лишь Дух Огня зорко бережет покой своей хозяйки. А сын старухи, Вождь тунгусов, потеряв свое напускное величие, сидит и ждет, когда мать даст знак о возвращении. В руках он, как бабка-повитуха, держит огромную матаха — вьючную суму. Как только мать-удаганка шевельнет пальцем, давая знать сыну о возвращении, он должен, не мешкая ни минуты, уложить ее с осторожностью в матаха-суму, и нянчиться с ней, как с новорожденной.

Что-то затянулось возвращение мать-удаганки — видать, грехов у племени накопилось много. Трудно душе мать-удаганки одной держать

ответ за все темные деяния неразумных детей. Задремал вождь племени, устав от трехдневного бдения под неистовый, нисколько не утихающий шквал бури. Глаза сами закрываются, из рук падает матаха. Вдруг — совсем незаметно — шевельнулось верхнее веко Удаганки. Еще раз шевельнулось... А сын все спит, не видит возвращения души матери.

Тогда Огонь, верный страж и спутник человека со времен сотворения жизни в Срединном мире, затрещал-затревожился, искры посыпались во все стороны. Одна искорка залетела прямо за шиворот спящего сына. Тот аж подскочил на месте! Изо всех сил стал бить себя кулаками, чтобы вытрясти обжигающий уголек, и в этот момент, наконец, уловил сигнал матери о возвращении ее души. Споро подполз на коленях к ней и, взяв ее скрюченное и покрытое инеем тело, уложил как маленькое дитя, в уютное гнездо матаха. Подвязал суму так, чтобы только воздух внутрь проникал, и укрыл мягкими и теплыми шкурами белого песка. Теперь ее душа после опасного и долгого путешествия во времени и в пространстве, чуть не замерзнув в стывших ветрах вне земли, как маленький ребенок, будет шаг за шагом возвращаться, чтобы воссоединиться с бренным телом.

Песнь шестая

Чуткий слух Вождя уловил изменение направления ветра. Он теперь дул не со стороны Великой воды с натающими льдами, а с южных окраин Вселенной. Вождь племени, легко поднявшись с корточек, подошел к очагу и укрыл его потемневшей от копоти шкурой оленя. Затем, взяв большую жаберную крышку невиданной величины морской рыбы, осторожно потянул на себя полог из оленьей шкуры и стал разгребать наметенную за время пурги стену снега. Наконец, изрядно потрудившись, выбрался наверх и увидел белоснежные просторы бескрайней тундры, по которым так соскучились его глаза. Он подумал о дочери. Видит ли она сейчас родную Мать-тундру? Оглянувшись, Вождь поразился тому, что обычно никогда не случается: конусообразные тордохи его соплеменников были занесены снегом по самые отверстия для дыма от домашнего очага. Видать, люди сильно рассердили дух Мать-тундры, что она чуть заживо не погребла под толстым слоем снега тунгусов. Бескрайнее безмолвие гудящей струной звенит в ушах. Тишина. Только тихая поземка гуляет между вершинами шестов тордохов, торчащих из-под многометрового снега.

Вскоре из-под наносов стали выползать люди, похожие в своих заиндевельных оленьих кухлянках на личинок насекомых. Друг за другом по-

тянулись они к одиноко стоящему Вождю. Тот стоял молча, а глаза были устремлены на то место, где находился тордох Черного шамана. Но его все не было. То ли улетел во время бури со своими бесами в преисподнюю, то ли уснул вечным сном. Постояв в ожидании, люди вздохнули было с нескрываемым облегчением, утвердившись в мысли, что черная душа шамана навсегда покинула Срединный мир, как вдруг из-под многометровой толщи снега послышались звуки — это были изрыгаемые Черным шаманом слова проклятья. Все устремили взоры на Вождя, и во всех глазах была мольба: «Избавь! Избавь!»

Лицо Вождя стало каменным, ничего не видящие глаза налились кровью, он постоял немного, словно решаясь на что-то важное, а затем, коря себя за проявленную слабость, твердыми шагами направился в сторону раздававшихся проклятий. За ним, сначала неуверенно, потом, все еще надеясь на что-то, последовали сородичи. Вождь подошел вплотную к дымоходу. Все явственно слышались крики шамана:

— Проклятье! Вытащите меня скорее! Что, совсем оглохли от громкого биения своих трусливых сердец? Или вздумали в снегах меня заживо похоронить?

При этих словах толпа в испуге отпрянула назад, как будто их потаенные мысли могли попасть через щель к шаману.

— Вот задохнусь, и будет вам кара небесная! Мой злой дух будет преследовать вас повсюду! Вытащите меня скорее!

Вождь протянул руку стоящему поблизости человеку, чтобы снять с его плеч аркан. Тот судорожно схватился за него, но под суровым взглядом нехотя отпустил руку. Храбрый воин и мудрый Вождь тунгусов не решился нарушить закон тундры, не захотел осквернить землю предков грехом. Он опустил аркан в утробу жилища, и шаман ухватился за конец.

Вырвавшись на волю, Черный шаман совсем взбеленился:

— Видите? Видите, какую я на вас натравил бурю? То ли еще могу! Мои бесы совсем разошлись, но я пожалел вас и утихомирил их. Слышите? Я вас пожалел! По-жа-лел! Запомните это!

Тунгусы, пряча глаза, молча разошлись: кто — оленей, живых или неживых, искать под снегом, а кто — откапывать так и не отозвавшихся из-под слоя снега живых или мертвых сородичей.

Вождь племени, расчистив свой тордох от снега, бросил на тлеющие угольки очага сухой ягель, и огонь тут же радостно заплясал, излучая во все стороны тепло. В жилище вошла пожилая помощница старой Удаганки и, сняв с огня чашу-долбленку с жирным молоком важенки, стала кормить мать Вождя. Удаганка едва пошевелила потрескавшимися посиневшими губами. Сын тут же нагнулся, пытаясь понять, что она хочет

сказать. В этот момент он увидел ее глаза — они радостно блеснули. Сын без слов понял, что она хотела сказать ему. Он все увидел в этих глазах! Вне себя от радости, Вождь выскочил на улицу. У него слетела шапка, но он этого даже не заметил, и, вскинув руки к небу, стал благодарить небожителей!

Белесый сумрак уползает за близлежащие сопки. Шелест пролетел по небу — северное сияние убирает свои всполохи-крылья. Светает. Бескрайняя снежная тундра, начиная с далекого, ставшего видимым, горизонта, приобретает знакомые очертания. Солнца еще нет, но его тепло уже обнимает тундру, как мать, соскучившаяся по малому дитя. «Солнце, солнце, солнце-е-е!», — как ребенок, кричит душа старого воина.

То ли кто уловил радостный клич его души, то ли услышали спешащее к ним навстречу дыхание матери-солнца, но все вдруг высыпали на белую от обилия света тундру.

Убедившись, что полярная ночь ушла окончательно и уже светает, люди вместе стали радоваться приходу долгожданного солнца. Его лучи отражаются в белоснежных облаках под куполом неба, но пройдет несколько дней, прежде чем из-за горизонта покажется красный, как будто только что выкованный небесным кузнецом, краешек диска дневного светила. Радостные тунгусы Племена Льда восторженно озираются по сторонам, смотрят и не могут насмотреться на родную тундру после долгой нескончаемой зимы.

Только один Черный шаман не вышел из тордоха, и сердце его обливается кровью от радости и счастья других.

С приходом солнца Черный шаман зачастил в тордох Вождя: торопит его с поисками дочери.

— Ты должен найти вора, укравшего твою дочь, и уничтожить его, — шипит он каждый раз. — Иначе не смыть позор рода. Слава о слабости твоей облетит весь мир, и тогда не станет могущества племени.

Вождь, терзаемый думами, все отмалчивается. Не нравится ему шаман, все более и более назойливо намекающий ему, всеильному Вождю, на его неспособность удержать власть. Но и открыто враждовать с шаманом равносильно самоубийству. Мать Вождя отворачивается от сына, когда тот заглядывает ей в глаза, чтобы найти поддержку, и, не обращаясь никому, разговаривает сама с собою:

— Слаба я стала, кости отказываются нести меня. Шея более не хочет держать голову. Пожалуй, останусь я на родимой земле коротать свою старость.

А воинственные мужи племени, заметившие смятение Вождя, испугались угроз шамана, и теперь с недоверием следят за каждым словом

и движением Вождя. Недовольны они остались тогда неуверенностью Вождя, ох, как недовольны, и теперь, одержимые своими страхами, один за другим принимают сторону Черного шамана.

Ропот среди сородичей, разогреваемый шаманом-интриганом, все возрастал. И настал день, когда Вождь понял, что тянуть больше нельзя и велел собираться в путь. Люди один за другим стали сворачивать тордохи. Вскоре на месте стойбища остались лишь проплешины от тордохов среди не растаявших снегов. Впереди оленей с домашней утварью стояло войско, изрядно поредевшее после сокрушительной бури. Не было былой уверенности в глазах людей, и даже олени выглядели уставшими и понурыми. Мать Вождя села на нарты и взяла в руки остол — шест для управления оленями. Вслед за ней замельтешили в воздухе остолы остальных. «Юю-ю-ю!», — протяжный звук, подстигающий оленей, повис в воздухе, и тут же, подхваченный множеством голосов, создал одно большое движение. Воинственные тунгусы двинулись в поход.

Песнь седьмая

Над пустынной Долиной стоит пелена тумана. Тонкие иглы дождя бурвят истончившийся снег. В воздухе запахло сырой землей, которая, пропитавшись талым снегом, начала разбухать. Стая волков, всю зиму пировавшая в Долине, давно уже перекочевала в другие места. На том месте, где была гора из туш оленей, ничего не осталось, лишь клочья шерсти и обглоданные до белизны кости мокнут под дождем на прошлогодней траве.

Двое из враждующих племен, волею судьбы ставшие любовниками, сидят у огня в пещере, вслушиваясь в шорох падающих капель. Девушка-тунгуска тревожно смотрит на тойона-мужа. Есть о чем тревожиться: ей приснилось, что ее бабушка едет верхом на олене, а за нею стелется черная тень. У тени длинные руки, она так и норовит схватить коггистыми пальцами бабушку, а та даже не оглядывается. Все едет и едет, только хобо-колокольчик звенит и звенит. Чует сердце внучки Удаганки: это послание, предупреждает бабушка о предстоящей скорой встрече.

Девушка начертила хворостинкой на земляном полу много-много рогов оленей, а над ними лица людей. Показала мужу. Он посмотрел и все понял. Притянул девушку к себе, уткнулся в ее иссиня-черные волосы: успокаивает, дает понять, что всегда будет рядом. Встает и достает кованые вещи: мол, это подарок твоему племени, они все нам простят, нам нечего бояться. Девушка тонкими пальцами осторожно приглажи-

вает округлившийся живот и качает головой: ей очень хочется верить в это.

День прошел через Долину, ночь встает над землей. Черная туча, стевев весь снег с лица земли и исчерпав свои воды, растаяла в вышине. Ураанхай-боотур теперь каждую ночь разводит костер в Долине, чтоб соплеменники девушки-тунгуски издалека увидели огонь и поняли, что они здесь и ждут их.

Так прошло несколько дней в тревожном ожидании. Долгожданные гости пришли с заходом солнца. Однажды, когда ураанхай-боотур в очередной раз вышел развести огонь, он увидел, что рядом с его костровищем тунгусы Племена Льда разожгли свой. Он был так ярко, что затмевал свет ночных звезд, даже Юргэл² были едва различимы. Это был знак того, что примирения не будет. «Наш огонь будет вечно пламенеть на этой земле, и ты к нему не будешь иметь отношения», — сказали тунгусы ураанхай-боотуру этим костром.

Девушка вышла из берлоги и встала рядом с мужем. «Это мой мужчина. Я предназначена ему, а он — мне. Мы с ним не расстанемся», — говорили ее черные раскосые глаза, в которых мерцал недобрый огонь костра соплеменников.

Настала длинная, вкрадчивая сторожкая ночь. Мужчина и женщина сидят на устланной оленьими шкурами земле и смотрят вдаль, туда, где вокруг костра неистово скачет сумрачная тень. Это Черный шаман камлает на полуистлевшем до дыр джюгоре³, ликует от близости мести, на пир сатанинский призывает бесов. Ураанхай сидит, бровью не поведет, немигающие глаза устремлены вдаль, а девушка, устав от долгого ночного бдения, спит, положив голову на колени возлюбленного. Ураанхай бережно охраняет сон жены и думает о том, что ему беспокоиться не о чем — не он в груди взрастил злобу, не он одержим кровной мстостью. Чиста его совесть и чисты его помыслы. Не беспокоит его и близкая смерть — он видел, как храбро умирали его соратники. Он знает, что чистые души вновь и вновь возвращаются в Срединный мир. Его беспокоит только мысль о возлюбленной и судьба еще не родившегося ребенка.

Так он просидел всю ночь, бережно охраняя нежный сон. Под утро девушка беспокойно зашевелилась, обняла во сне могучую грудь боотура, прижалась к нему еще крепче... Вдруг в воздухе засвистели арканы и мертвой хваткой обвилились вокруг возлюбленных. Боотур, не в

---

² Плеяды.

³ Бубен (якутск.)

силах вырваться из плена нескольких маамыкта, обнял девушку, чтобы тонкие арканы из оленьей кожи не впились в ее нежную кожу.

Черный шаман, для которого не было никаких законов чести, напал исподтишка с некогда гордыми, а теперь ставшими пленниками темных сил, воинами, которые нарушили приказ Вождя — он им велел привести провинившуюся дочь вместе с ураанхай-боотуром с восходом солнца. Услышав это, шаман испугался, что сердце Вождя при виде любимой дочери смягчится, и тот простит отступницу и примет боотура, как ее мужа. «Не бывать этому!», — решил шаман, и под покровом ночи с запуганными им несколькими воинами-соплеменниками напал на беззащитную девушку и боотура из ненавистного ему рода ураанхай. Он покажет им, как измываться над ним, он устроит им свой суд чести!

Лишь солнце осветило первыми лучами долину, как все для мести Черного шамана было готово: ураанхай-боотур и девушка из Племена Льда были крепко привязаны к корням исполинского дерева. Только так! Он сожжет их, превратит молодые тела в пепел, чтобы ветер развеял прах, чтобы ни духу от них не осталось.

Боотур взглянул на возлюбленную и успокоился. В ее глазах лишь отражение солнечного блика, она смотрит на него бездонными, как вечное небо тундры, глазами, и в них нет ни слез, ни страха, ни смятения. А Черный шаман, снедаемый мезтью, суетится, торопится успеть до того, как Вождь спохватится и явится сюда с остальным войском. Кричит он на воинов, а у тех трясутся руки, узел не могут завязать. Наконец, один из воинов судорожно взял огниво и высек искру. Пламя начало набирать силу, но, наткнувшись на сырые ветви, дымя и трепеща, потухло. Увидев это, шаман аж подпрыгнул, и, проклиная все на свете, набросился на несчастных вояк с кулаками.

В это время вдали зазвенели хобо-колокольчики, показались олени. Это Вождь племени, разъяренный изменой, несется на своем самом белоснежном на свете олени, а за ним спешат верные ему воины. Чуть отстав, летит по Долине еще одна упряжь с великой Удаганкой. Воины, пришедшие с Черным шаманом, увидели их, и затряслись у них ноги от страха. Поняли они, что не миновать им кары Вождя, а у шамана силы не безграничны, вскочили на оленей и умчались прочь. Шаман, изрыгая в адрес убежавших тунгусов проклятья, подбежал и высек искру на сухие ветки. Густой дым заслонил безоблачное небо, солнца яркие лучи запутались в черной мгле.

Вождь племени в ярости, аркан его над головой хищною птицей вьется. Шаман, видя приближение Вождя, вскочил на оленя и тоже скрылся вслед за воинами. Все ближе и ближе войско, за ними не отстает и нарта великой Удаганки. Вот она соскочила с продолжающей нестись, как на

крыльях, нарты. Нет, не рвет Удаганка свои волосы, не корчится в предсмертных конвульсиях — лицо ее будто высеченная из камня маска, а в глазах необъятная небесная глубина. Нет в ней прежней дряхлости, твердо стоит она на ногах, взывая небеса к спасению и избавлению! Вдруг на безоблачном небе засверкали стремительные копыта молний, гром сотряс Долину неслыханными раскатами, глухим эхом им вторит земля. Тени грозowych облаков расплзлись по земле, и тут же вмиг все вокруг утонуло в водопаде дождя.

Убегает, убегает коварный шаман, увлекаемый своими темными силами от кары небесной. Вдруг под его ногами проползла по сырой земле черная змейка трещины, все увеличиваясь в ширину и в длину. Шаман черным камнем сорвался в бездну, будто живьем проглотила его преисподняя. Незыблемая твердыня земли раскололась, разломались и сокрушились монолитные глыбы гор. Вода, сметая все на своем пути, белою пеной клубится по извилинам, по падям Долины, заполняя ее живительной силой.

Эпилог

Когда мгла над Долиной рассеялась, взору людей предстали две горы — прекрасные и величественные боотур из рода Баайага и девушка из Племена Льда. Их любовь уже никакие темные силы не разрушат, никто никогда не разлучит. Теперь они сами — Сила. Перед Горой Боотура и Девичьей Горой стоит великая Удаганка тунгусов, вырвавшая возлюбленных из холодных тисков небытия. Рядом с ней, на железном щите, сделанном отцом-воином, лежит младенец — плод любви и дар обитателей Верхнего мира Айыы, бережно завернутый в выделанную теплыми руками матери шкуру белого оленя...

Сын боотура из племена Баайага и девушки из Племена Льда вырос под стать родителям: сильным и смелым как отец, гибким и ловким, как мать. Воспитанный мудрой прабабушкой и дедом, Вождем воинственных тунгусов, юноша продолжил дело отца и стал Кузнецом. До сих пор сыновья сынов его сыновей куют поющие, волшебные вещи из железа, серебра и золота — так живая память крови передается из поколения в поколение. Не извести эту память. Во всех уголках Срединного мира слышна их слава кузнецкая.

Все изменилось с тех времен, когда земли здесь были пустынными, а равнины до того голыми и плоскими, что степенную от старости и могучую от долголетия лиственницу было видно за девять дней пешего хода. По всему белу свету разбросало семена праматерь-лиственницы,

разрослись новые деревья, шелестя зелеными куполами и доставая вершинами до облаков. Молва идет, что посреди густой тайги, только неведомо где, выросло между небом и землей могучее дерево, унаследовавшее от прагматер-лиственницы высокое предназначение — быть колыбелью бессмертной души кузнецов, избранных защищать ураанхай. Все изменилось с тех времен: летят через благословенную Долину посланники небес стерхи, трепещут серебрянокрылые березы, не умолкает пение птиц.

Стоят над глубокой прозрачной рекой Баайага две горы — боотур из рода Баайага и девушка из Племена Льда. Пламенеет над ними восходящее солнце, никто не нарушает их покой своими громкими словами, никто не подходит к ним с мыслями темными — все они слышат, все они видят. Никому не ведомо, сколько обитатели Верхнего мира Айыы отпустили человечеству. Иногда миг тянется целую вечность, а вечность пролетает в одно мгновение. У каждого века и народа свое измерение: кто-то лишь на время приходит в этот благословенный Срединный мир, а истинно влюбленным дарована способность жить вне времени и пространства.

Дорогой друг, а мой сказ с этой тойук-песни только-только и начинается, ибо, как и ты, узрев, услышав Глубины Веков, я вывожу первые волшебные звуки тойук-песни — слова творящего и любовь исцеляющего.

Легенда о любви

Давным давно, у самого истока жизни, жило-было племя. Жило оно на краю Земли на самой высокой вершине седого хребта. Кругом были голые камни скал, а над скалами — небеса, гулкие, бездонные. И небеса были пустынные. Никто не знал, что удерживало это племя на голых скалах: то ли страх перед неизвестностью, то ли гордыня, сошедшая с небес как испытание.

Это племя никогда не спускалось вниз — в долины, сверкающие изумрудной зеленью при восходе лучистого солнца, в леса, расстилающиеся бархатным ковром по берегам могучей реки. Племя это выползло из своих сырых каменных жилищ, выдолбленных в серых скалах, на восходе солнца, и любовалось разгорающейся зарей, золотыми лучами небесного светила, озарившими прохладные воды реки прекрасной долины. Но никто и не думал спуститься со скал в благоухающую долину.

Женщины племени были здоровые, сильные, как великолепные статуи из белого мрамора. Каждый год они рожали здоровых, крепких де-

тей. Племя множилось, а растений, что скудно росли на островках среди скал, становилось все меньше и меньше. Мужья женщин не хотели, чтобы их дети и жены захирели в холодных и сырых пещерах, они по ночам тайком рубили деревья и прятали от чужих глаз в расщелинах скал. Деревьев становилось все меньше и меньше. Покрылась пылью тропа, по которой ходили на водопой стада копытных и хищные звери, преследовавшие их. Вместе с растительностью исчезли и животные, и звери.

Наступило тяжелое время. Всех волновала одна мысль: как жить дальше? Спуститься в долину, где не ждет голодная смерть? Или остаться в скалах, наверху, где грозит голод, холод? Дети прижались к матерям, ища защиты и тепла, женщины смотрели в глаза мужьям, надеясь на защиту и тепло. А мужчины прятали глаза. Ни один из них не выходил на восходе солнца любоваться изобилующей долиной, манящей сытой жизнью. Ни один из них не выходил в полночь любоваться бледным ликом Луны. Луна была также холодна и безжизненна, как их голые скалы.

И вот однажды, устав от тяжелых дум, мужчины собрались в просторном гроте, где жил самый сильный, удачливый Охотник. Раньше, когда крошился мрамор под быстрыми прозрачными копытами благородных оленей, когда трубили могучие маралы любовные песни в утреннем тумане, когда единорог, редкий гость с небесных берегов, стоял, взирая на вершинные края среди облаков, в день удачной охоты все собирались в его гроте, а певец-тойуксут слагал в его честь торжественную песнь — тойук. Но не было в этот раз радостных глаз и широких улыбок, не звучала песнь. Все сидели, понуриив уставшие от невеселых дум головы. И вдруг все заговорили о своих голодных детях, своих изможденных женах, своем страхе перед будущим. Но ни один из них не выронил ни одного слова о прекрасной долине, хотя крик о помощи звучал в каждом слове!

Удачливый Охотник сидел с опущенными плечами, а перед ним сидели беспомощные соплеменники, когда-то считавшие себя столпами родной горы. Долго сидел Охотник и, наконец, заговорил:

— Я пойду в долину изумрудных трав. Я пойду один и добуду нам всем пропитание!

Гроном прогремели слова Охотника, и вмиг все замерло. В мертвой тишине от мраморной стены отделилась тень и прошептала:

— Мы тоже пойдем с тобой — я, твоя жена и твой сын.

В полумраке сырого грота кто-то рассмеялся от радости, что не он идет в долину, кто-то облегченно вздохнул, кто-то уговаривал жену не идти с мужем из-за опасения, что он из-за нее не принесет добычу, а кто-то опасался, что Охотник оставит жену и сына, и будет лишней обузой

для племени. В этом хаосе страстей Охотник и его жена с маленьким сыном на руках светились любовью друг к другу, и от них веяло покоем.

Мы пойдем утром, когда первые лучи солнца озарят наш путь.

Утром никто не пришел провожать их: велик был страх перед неизвестностью. Охотник с женой и с маленьким сыном начали свой опасный путь. Они ступали осторожно, шаг за шагом. Лучи солнца указывали им дорогу, освещая камни, на которые можно ступить без опасения. Лучи осветили студеной ручеек, где путники утолили жажду. Солнце поднялось высоко и осветило небо и горы, не оставляя ни единого уголка без света и тепла. И Охотник понял, что солнце светит для всего живого на Земле.

Под вечер солнце привело их мимо леса, где глухари, как еловые шишки, сидели на ветках, мимо берега озера, кишящего рыбой, где утки выводили свое потомство плавать, в алас, окруженный белоствольными березами с шелковистой листвой. Посередине аласа переливалось сказочным цветом озеро, круглое и серебристое как Луна. Охотник с женой и сыном стояли, околдованные красотой цветущего аласа и бездонной тишиной покоя.

Величественная тишина ко сну отошедшей плодородной земли окутала их. Они долго сидели, обнявшись, в густой траве, и крепко уснули под звездным покрывалом неба.

Охотник с женой стали жить в принявшем их в свое лоно аласе и ни разу не пожалели, что оставили голые горы. Там от серых камней исходил холод, проникающий до самой глубины души. А здесь день за днем проходили в труде и хлопотах. Мужчина охотился и ловил рыбу. Женщина собирала целебные травы для соплеменников.

Сын их был слишком мал для того, чтобы охотиться с отцом. Еще не научившись ходить, он сидел на лугу, весело гугукая и протягивая руки к небу. Заливистый смех малыша заставляла мать оглянуться, и она видела белое облачко тени, неслышно улетавшей ввысь.

Охотник в отведенное им самим же время нес в гору добытое на охоте и собранное женой. Он был верен своему слову, и не было силы, заставившей бы отказаться от него.

Рассказывая о красотах Долины, о ее богатствах, он дарил женщинам и детям искусно сшитые женой одеяла, подушки, коврики. Все эти дары могли обеспечить тепло и уют в их пасмурных пещерах. Несмотря на все подарки, подтверждающие правдивость слов Охотника, никто не хотел идти «вниз» — так они называли цветущую Долину. То ли страх их удерживал, то ли их устраивала жизнь на готовом. Так они и продолжали жить от прихода до прихода Охотника. Они так привыкли к его душевной доброте, что все чаще выказывали недовольство. Как долго жили так — никто не знает: бесславная жизнь быстро забывается.

От непосильных трудов жена Охотника стала чахнуть. Не для своей семьи она шила, кроила и изготавливала лекарства, не для своей семьи она мяла жесткую шкуру медведя, которого муж с риском добывал. От постоянного шитья болели глаза, спина, руки. Не было радости в глазах: положить лишнего своему ребенку в рот казалось кощунством перед голодающими детьми других матерей. Все самое вкусное, теплое, целебное относилось в Горы.

Охотнику было некогда возиться с сыном, некогда сказать жене ласковое слово: охота занимала все время. Так проходили дни и ночи в изнуряющем поиске пропитания для жителей Горы. Время бежало, и только для жителей Горы оно словно перестало существовать. Их души были скованы сном наяву.

Между тем сын Охотника подрастал. Отец стал брать его с собой на охоту. К великой радости отца, сын становился смелым и удачливым охотником. Сам бог охоты Байанай вел его по своим богатым дичью укромным местам. Мать свою он радовал бережным и ласковым отношением к родителям, она не переставала благодарить Айыыһыт Хотун за сына.

И вот однажды, после изнуряющей охоты на пещерного льва, которого они смертельно ранили, отец наутро не разбудил крепко спавшего сына и пошел один. Он не вернулся с охоты: в жестокой схватке с раненым зверем погиб в объятиях тоже гибнувшего, но защищавшего свое логово хищника.

Сын с матерью похоронили горячо любимого отца, мужа, доблестного Охотника, кормильца целого племени, в глубоком молчании, без единой слезинки. Это был достойнейший из достойных. Горе не должно испугать его Ийэ Кут безутешным плачем, скорбь не должна стать преградой переходу с Земли на Небеса. Прожил он предначертанную ему Богом жизнь доблестно! Пусть вернется его Ийэ Кут на Землю через века окрепнувшим в Вере, Надежде и Любви.

Из шкуры пещерного льва, погибшего в железных объятиях достойного противника, мать сшила сыну накидку, твердую, как кольчуга: «Как этот лев, будь бесстрашен, сын мой! Он не убежал, не струсил перед твоим отцом, самым бесстрашным из рода людского! Как этот лев, и ты будь Хозяином своей Земли, ведь он не оставил своего логова, когда появился в его краях твой отец — доблестный Охотник! Будь храбрым воином, как этот лев: он знал, что твой отец будет сражаться за жизнь своего племени до конца, он понял, что он — достойный противник! Пусть они, благородные Отец твой и Лев, передадут тебе всю мощь и Любовь к жизни».

Теперь уже сын носил пещерным жителям дары благоухающей долины. Мать с каждым днем ослабевала. Однажды она пошла вместе с сы-

ном, чтобы встретиться и поговорить по душам со своим родным племенем, но не услышала добрых слов. Она увидела безжизненные глаза соплеменников, услышала злые слова и упреки. Не было в их глазах искрящихся красок жизни, ведь они никогда не видели нежности раскрывающихся цветов. Не было в их голосах певучих, ласковых звуков, ведь они никогда не слышали трелей жаворонка, и забыли добрые слова.

Мать стала таять на глазах. Наступил день, когда она подозвала сына и сказала: «Сын мой, настал мой последний час. Эта земля всегда заботилась о нас. Тебя с малых лет взял под свое благословенное крыло самый могущественный Дух — хранитель этой Земли, и породнил тебя со всеми Духами этой Земли. Я спокойна за тебя. Они теперь тебе мать и отец. Они будут о тебе заботиться, и ты тоже будешь заботиться о них. Но не забывай своих сородичей и не оставляй их. Они пока не знают, как прекрасна эта земля. Когда-нибудь они все поймут и спустятся с голых скал, научатся жить своими трудами, и тогда страх покинет их души. Будь им проводником и помощником. Похорони меня рядом с отцом над пещерой льва».

Это были ее последние слова. На рассвете сын похоронил мать рядом с отцом. Он не проронил ни слезинки — его душа была сотворена из Великой благодарности и бесконечной любви.

С этого дня жители скал лишились теплых вещей, ведь не было той, что их шила. Молодой охотник продолжал ходить на гору не с пустыми руками. Несмотря на пренебрежительное, высокомерное отношение к нему, он всегда был добр и спокоен, и на оскорбительные слова и обидные упреки отвечал улыбкой. Соплеменников это злило еще больше: они чувствовали, что он знает что-то сокровенное, что в нем есть светлая сила. А у них этого не было. Они чувствовали его духовное превосходство, но не хотели понимать, почему он не такой, как они, так глубоко укоренился в их душах темный дух гордыни.

Но однажды молодой охотник в этой враждебной толпе почувствовал ласковый взгляд. Он поднял глаза и встретился со взглядом юной девушки. Она уже давно наблюдала за ним, и не отвела глаз. Стояла она в сторонке от суетящихся и бранящихся людей, которые делили принесенное молодым охотником. Толпа барахталась, угрожающе кричала в пыли. А лучи яркого солнца освещали лишь ее одну. Юноша прикрыл ладонью глаза, чтобы отогнать это изумительное видение, но когда открыл глаза, девушка не исчезла, а стояла там же и смотрела на него. Он сделал шаг в ее сторону, и она скрылась среди скал. Долго, неподвижно стоял он, ожидая ее нового появления. Между тем толпа разошлась. У племени не было обычая пригласить гостя к очагу. Постояв в одиночестве, юноша начал медленно спускаться, часто оглядываясь.

С этого дня он стал появляться чаще, чем раньше. Как и раньше, толпа копошилась в собственной тени, суежилась, бранилась, отпугивая лучи солнца. А молодой охотник смотрел на девушку, и глаза его светились тихой радостью любви. И она смотрела на него.

Однажды она осталась стоять, а толпа разошлась по пещеркам со своей добычей. Девушка и молодой охотник долго сидели на белой скале, сидели до самого захода солнца. Она расспрашивала его о цветущей долине, а он рассказывал ей о красоте родного аласа, о дремучих лесах, о быстрых речках. Он говорил с искренней любовью и нежностью, и девушка заморожено его слушала.

И вот наступил душный вечер, когда среди пылавших жаром обжигающего солнца голых скал девушка чуть слышно прошептала: «Я хочу туда». Эти слова, произнесенные, как дуновение ветерка, громом отозвались во всех пещерах, где все уже готовились ко сну. Жители скал подумали, что это дурной сон. Но скалы, услышав эти слова, снова и снова все нарастающим эхом повторяли и повторяли: «Туда...туда...туда...» Все выползли из своих каменных нор. Кто посмел возмутить их покой, позволив себе мечту о долине? Выползли и в серебряном сиянии ночного светила увидели прекрасную дочь вождя и отважного охотника.

Страшен был гнев грозного вождя. Как раненый зверь, испустил он утробный рык, и вековые скалы содрогнулись от ужаса. За ним все племя выпустило страшный град проклятий. Все вокруг загрохотало, задрожало. Люди, вооруженные камнями, надвинулись на молодых людей. А они стояли рука об руку под серебряным дождем луны, изумленно взирая на беснующуюся толпу. Они были далеки от пороков, гнетущих души соплеменников — их окутывала зародившаяся в их сердцах любовь. На одно мгновение стало очень тихо: даже в черствых сердцах что-то дрогнуло перед силой великой любви. Но вот мать девушки, как коршун, с диким криком метнулась к дочери, — и град камней обрушился на молодого охотника. Толпа безумцев подняла руку на храбрца, сына доблестного соплеменника, которому была обязана жизнями своих детей.

Молодой охотник, никогда не видевший такой бессмысленной ярости, от неожиданности сделал шаг назад и полетел вниз. Толпа подбежала к краю скал и стала кидать камни в падающего в пропасть. В безумной ярости они не заметили большую тень, нависшую над ними. Гора, непоколебимо стоявшая тысячелетиями, разверзлась, хороня в своих недрах людскую черную неблагодарность и убожество.

Дочь вождя спешила вниз: она верила, что охотник не разбился. Она бежала и видела его улыбку, предназначенную только ей. А следом бежали ее соплеменники. Они словно забыли свой животный страх перед

цветущей долиной. Они бежали за девушкой, ведь ей одной были известны секреты земли, которые поведал ей охотник.

Девушка спешила вниз, к своему возлюбленному. Она видела, как он падал и увидела стремительную прозрачную тень, почувствовала невидимые взмахи огромных крыльев. Прозрачная тень впустила падающего охотника в себя и устремилась в высь. В сердце девушки укрепилась Вера, она стремительно неслась вниз за Надеждой, чтобы встретиться с Любовью.

А племя спешило за девушкой, убегая от смерти. Люди поняли, что девушка — земная наместница охотника, что она будет оберегать родное племя. Ей одной вверил молодой охотник тайные заклинания для призвания духов, спасающих от недугов и напастей.

Племя следовало за мудрой девушкой, идущей по тропе Веры за Надеждой, влекомой Любовью. А над ними в небе кружил Ворон.

Сегодня потомки этих людей, сыновья удачливых охотников, знают, что это — великий дух, оберегающий их.